

БОРИСЯ И ГЛЕБА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ

Саша Кругосветов

СЖЕЧЬ
МОСТЫ

Саша Кругосветов
Сжечь мосты
Серия «Международный
фестиваль Бориса и Глеба»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21568425
Сжечь мосты / Саша Кругосветов.: Интернациональный Союз
писателей; Москва; 2017
ISBN 978-5-906857-73-6

Аннотация

«Сжечь мосты» – повесть о судьбе молодого человека Алексея, взросление и возмужание которого пришлось на яростные девяностые, о цепи ошибок, приведших его в криминальный мир. Эта книга о том, что отец не может смириться с потерей сына и много лет разыскивает его, не в силах поверить в то, что Алексея уже больше нет.

Содержание

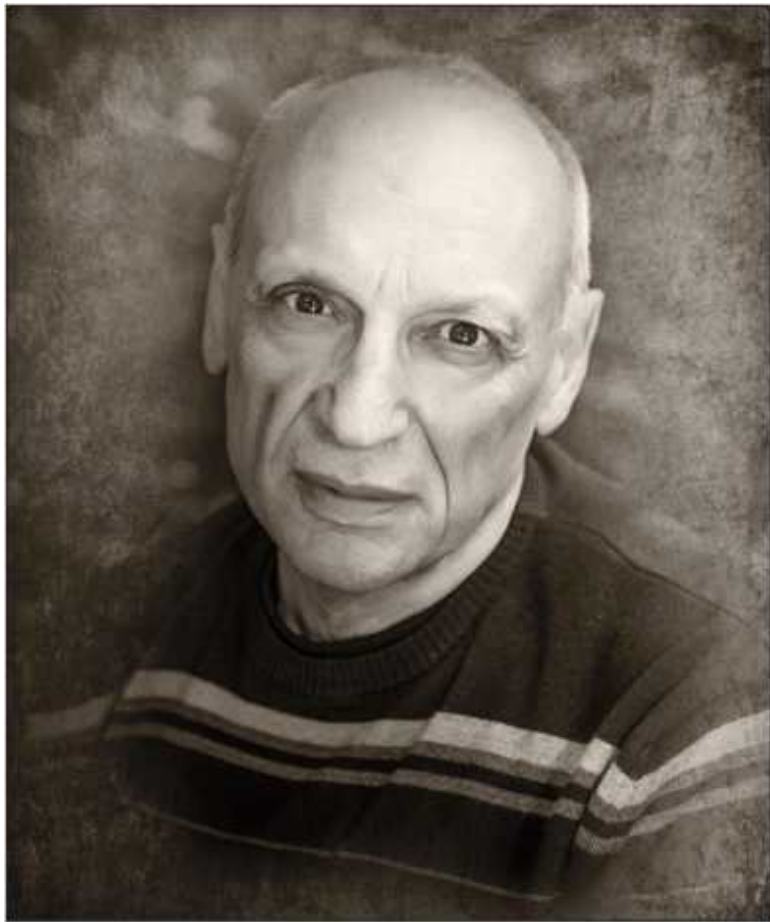
Об авторе	6
Предисловие	7
Монолог	14
Город, которого нет	17
Кременчуг. Game 1	20
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Саша Кругосветов

Сжечь мосты

Молитва благоверным князьям Борису и Глебу

О двоице священная, братия прекрасная, доблии страстотерпцы Борисе и Глебе, от юности Христу верою, чистотою и любовью послужившии, и кровью своими, яко багряницею, украсившиися, и ныне со Христом царствующие! Не забудите и нас, сущих на земли, но, яко тепли заступницы, вашим сильным ходатайством пред Христом Богом сохраните юных во святей вере и чистоте неврежденными от всякаго прилога неверия и нечистоты, оградите всех нас от всякия скорби, озлоблений и напрасныя смерти, укротите всякую вражду и злобу, действием дьявола воздвигаемую от ближних и чуждых. Молим вас, христолюбивии страстотерпцы, испросите у Великодаровитаго Владыки всем нам оставление прегрешений наших, единомыслие и здравие, избавление от нашествия иноплемennых, междоусобныя брани, язвы и глада. Снабдевайте своим заступлением страну нашу и всех, чтущих святую память вашу, во веки веков. Аминь.

Об авторе

Сашиа Кругосветов, член Интернационального Союза писателей (ИСП), куратор петербургского отделения ИСП, член Международной ассоциации АРИА (Лондон). Имеет следующие звания и награды: Медали им. А.С.Грибоедова, имени Адама Мицкевича, Императорская Медаль «Юбилей Всенародного подвига 1613–2013». Обладатель Гран-при Крымского фестиваля фантастики «Созвездие Аю-Даг», 2013 г. Лонг-листер премии «Золотой Дельвиг – 2014» Литературной газеты. Победитель Всероссийского конкурса «Бумажный ранет», 2014. Премия «Фаворит ПИФа» Крымского фестиваля фантастики «Созвездие Аю-Даг», 2014. Премия «Алиса» фестиваля фантастики «Роскон-2014». Премия «Серебряный РосКон-2015». Лауреат литературной Московской премии 2014 г. в номинации «Публицистика имени Владимира Гиляровского». Премия «Изумрудный город» и премия «Созвездие Малой Медведицы», II место Крымского фестиваля фантастики «Созвездие Аю-Даг», 2015 г. Лауреат премии «Специальный приз оргкомитета Роскон-2016». Гран-при-лауреат в номинации «Проза» и I место в номинации «Публицистика» международного фестиваля «Ялос-2016».

Предисловие

Умираешь лишь дважды!

«Взгляните на любую из композиций Листа и скажите честно, есть ли в них хотя бы такт подлинной музыки. Композиции! Декомпозиции – вот правильное слово для этой отвратительной плесени, душащей и отравляющей плодородные почвы гармонии».

Musical World, Лондон, 30 июня 1855 года

«Фортепианный концерт Белы Бартока – это самый чудовищный поток вздора, напыщенности и бессмыслицы, который когда-либо доводилось слышать нашей публике».

H. Noble. Musical America, Нью-Йорк, 18 февраля 1928 года

Вы спросите, какое отношение имеют эти цитаты к новому произведению Саши Кругосветова «Сжечь мосты»? Самое прямое! Это отзывы современников на гениальную «музыку не для всех», это отзывы и предисловия на творчество тех, кого сегодня считают классиками, считывают у них исторический контекст. Возьмите с библиотечной полки наугад том из многотомного собрания любого признанного классика, вы найдете множество текстов «не для всех» – для определенного психологического состояния, этапного жиз-

ненного переживания. Даже Пушкин не каждый день и не с любой страницы. Будет ли рядовой обыватель читать Жана Жене «Дневник вора», поэзию отбросов общества и поэму мусорной кучи... Многие ли осилили Джойса «Улисс» – утомительный поток талантливого сознания... ну не всем же писать в стиле автора «Анны Карениной».

«Весь мир для меня – общага. КаПэЗэ – камера предварительного заключения. Детский дом для калек. Приют для бездомных. Психбольница, канатчиковая дача, вавилонское столпотворение. Дом для слабоумных, желтый дом, чум, дурдом, дом хи-хи. Скворечник, содом... Психодром! Шизик-плейс! Дурятник, психушка, Кащенко – блин, будинок для божевільних.» (Саша Кругосветов- «Сжечь мосты»).

Имеет ли право на существование такой мир? Такими глазами? У Бога всего много... Читать такую литературу тяжело, с преодолением, с работой над собой... Можно себе представить какой груз сбросил с себя автор... с каким облегчением поставлена финальная точка! Пусть теперь читатель перелопачивает эти тонны боли, слез и страдания! «Забывшие истины... Забытые... Но ведь они существуют. Доброта, сила, открытость. Спокойствие, честность. «Наступила черная пора. Девяностые. Рухнул Союз. Распалась Советская империя. Разгул бандитского рынка, беспредел» (Саша Кругосветов).

Были эти годы? Были, были у каждого свои, сладкие воспоминания и сердечные раны от детских советских 70-80-х, от пережитых 90-х, не зажили еще у многих на сердце, на душе, еще предстоит дать этому времени трезвую и выверенную оценку. Сжечь мосты в 80-е, в 90-е, возможно ли, начать жить с чистого листа в 21 веке? Какую цену мы заплатили и заплатим еще за распад, раздел, разграничение и отделение? Какова цена распада атома?

– «Лёш, мы же взрослые люди, давай спокойно поговорим. Ты тридцать пять лет мыкался. Весь ломаный – переломанный, битый – перебитый. Тебе доставалось. И у меня, Леша, судьба такая же, как у тебя. Меня били, мной помыкали. Прошла через все, через бандитов, сутенеров. Всю жизнь, блин, мужики использовали. Им все время было что-то надо. А я была одна, и, конечно, пила, как все вокруг. Меня за волосы таскали, лицом по асфальту, бутылками били, насиловали». (Саша Кругосветов «Сжечь мосты»). Это книга не про любовь: вчера Ирка, сегодня Лялягуль, временная жена-красотка из Казахстана, которая младше его на пару лет, завтра Людка, далее по обстоятельствам, но нет...опять Ирка! «Такая компьютерная игра. Все шаги правильные. Нет риска потери компьютерной жизни. А жизнью этих навалом. Гуляй – не хочу» (Саша Кругосветов «Сжечь мосты»).

Маленький сюжет для небольшой книги про то, как такая Ирка возьмет да и всадит Алешеньке нож по самую рукоятку... И все., а был ли мальчик, а была ли жизнь? А ведь вроде неплохо все начиналось в первой жизни, в 80-е годы...

«Алеша воспринимал жизнь как некую компьютерную игру. Игра эта начиналась так легко и хорошо. Почти все детство и юность он провел в Кременчуге, в доме деда с бабушкой по материнской линии. Мать тоже жила в Кременчуге, отдельно от них, появлялась редко. Придет, поиграет с ребенком, посмеется и исчезнет. У нее своя жизнь, свои дела»... «квартира в самом центре Кременчуга, с окнами на центральную площадь, в доме на улице Ленина, естественно. Это квартира отца его матери, деда Толи. Красивый, властный мужчина, еще в силе. Когда-то полковник военной авиации. Теперь – замдиректора огромного вагоностроительного завода». (Саша Кругосветов «Сжечь мосты»).

В общем, золотое детство, несколько недолюблен, недоласкан матерью, но это многих верный путь, что с того, ведь мама «Лауреат и победитель конкурса «Весенний ключ» все же есть... и вот заканчивается школьное детство и дальше что-то пошло не так. «Тоска. Закончил ПТУ, стал столяром. В характеристике записано: «ленив, пассивен, безразличен, хотя способностей и сообразительности не лишен». «И пошло, поехало. Короче, к 25 годам у меня было уже три

ходки»... «Я имел на зоне все, что хотел – хорошую одежду, курево, лучшую хавку. Но именно тогда я и записал в дневник: «Отец, почему ты меня покинул? Почему я один, папа? Почему ты не со мной? Мне так плохо»... (Саша Кругосветов «Сжечь мосты»).

В жизни после зоны и появилась Ирина, которая по замыслу создателя является переключателем реле начала и окончания следующих жизней в компьютерной игре, женщина – кнопка-переключатель, а ведь она живая теплая, она любит его, как может, и каждый раз, каждую новую партию-жизнь. Тоже ведь на зоне отсидела за него, за пуск механизма ножа-уничтожителя... Пуск, и жизнь обрывается, и перезагрузка... Но это игра-жизнь... все, как в жизни, чувства и боль все же реальны. Удар ножом, и перед преждевременной смертью проносится стремительно кинолента жизни... Но помнит ли? Вспоминает ли? Он-то ведь сжигает мосты. Это папа покаянно вспоминает: «Как Алеша малышом был. Тихим, улыбчивым, незлобивым. Покладистым. Как таскал его в Ленинграде, тогда еще в Ленинграде»... «обнимет за шею нежной детской своей рукой, головку задумчивую на плечо положит. Я на сопли исхожу, – как этого малыша можно не любить? – сердце так и стучит, а силы прибавляются. Хочется все для него сделать». (Саша Кругосветов «Сжечь мосты»). Воспоминания отца о безвременно ушедшем сыне, о его на излете советском детстве в финале

книги – одни из сильных лирических страниц, светлых, хоть и трагичных моментов.

Написанные Сашей Кругосветовым «Сжечь мосты» – одна из попыток дать литературное свидетельство и оценку трагического периода недавней жизни, истоков наших сегодняшних болезней, течение которых родом из прошлого, из детства. Единственное, что свет в конце тоннеля написанной книги не засияет спасительно... ну что же, не всегда, и не каждый видит его в конце, хотя зажигается он для каждого. У Саши Кругосветова практически открытый финал. Есть ли жизнь после жизни в городе, которого нет?

Несчастный отчаявшийся отец второй раз переживает смерть сына, а, может быть, не смерть? «Это как бы его послание мне. Папа, так сложилось, – я вынужден был сжечь мосты. Я больше не твой сын. У тебя нет сына. А у меня – отца. Не робей. Последуй моему примеру – сожги мосты. Кто-то сзади несколько раз негромко кашлянул. Оглянулся – весь ряд кресел за мной пустой, никого».

Впрочем, любой читатель имеет возможность продолжить книгу по своему усмотрению, написать третье действие, третью жизнь...ведь финала нет, финал возникнет тогда, когда времени больше не будет, и небо совется, как свиток. А пока, почему бы и нет, компьютерная игра продолжает-

ся... жизнь – театр, а люди в ней актеры?

Отец оборачивается и видит улыбающиеся потертые лица. Алеша-Богдан, ныне Дункан Маклауд, и с ним Ирина – простая смертная женщина, и ему придется пережить её, но он готов к этому, а сейчас звучит красивая романтическая музыка... сердца двух, вернее, сердца трех после стольких испытаний объединились, наконец. Немного свободных денег, красивая женщина (ведь настоящая женщина, хоть и потрепанная, еще и через пару часов после смерти остается женщиной), седовласый старец и его бессмертный сын вместе... Они несутся в маленьком частном самолете над бушующим океаном, из вещей с собой ничего... сжечь мосты... С собой Дункан-Богдан-Алеша взял только Евангелие на русском языке, все свои предшествующие жизни он так мечтал, наконец, прочитать эту святую книгу, он знал, что именно в ней заключена тайна его жизни, ответы на многие вопросы. Ирина нежно склонила голову на плечо любимого... старик отец потягивает виски... Появившийся в салоне самолета стюард предупреждает, что впереди опасный грозовой фронт... сам одет начинает потряхивать... долетит ли он до середины океана?

Олег Ефимов, поэт, ответственный секретарь Межфракционной депутатской группы Государственной думы ФС РФ по защите христианских ценностей.

Монолог

Без конца звонят из бюро. Из моего дизайнерского бюро. Не знают, что делать. У них разногласия с заказчиком.

Решайте все без меня. Наплевать. Ничего не хочу. Ни о чем не могу думать. Ничего мне не надо – понятно вам, блин?

Говорят:

– Сам Ахметов тебя разыскивает. Хочет поговорить, требует хозяйку: только с ней буду говорить!

– Зачем он мне?

– Олигарх все-таки.

– Что с того? – олигарх – не олигарх...

– Там могут быть огромные заказы.

– Да что мне его заказы? Что мне этот чеченец? Ну, не чеченец... Какая, блин, разница?

Не звоните мне. Пусть все летит в тартарары. Чего мне плохо, спрашиваете? Я умираю, вот что. Все, не звоните больше. Жизнь покидает меня.

Не могу работать. Ничем не могу заниматься. Ни о чем не мечтаю. Весь день лежу в постели. Курю и пью.

Я умерла. Я опухла, вся в синяках. Я безобразна и непристойна.

Весь мир для меня – общага. КаПЭЗэ – камера предварительного заключения. Детский дом для калек. Приют для

бездомных. Психбольница, канатчикова дача, вавилонское столпотворение. Дом для слабоумных, желтый дом, чум, дурдом, дом хи-хи. Скворечник, содом... Психодром! Шизик-плейс! Дурятник, психушка, Кащенко – блин, будинок для божевільних.

Почему я здесь? Мама, где ты, моя бедная мама? Зачем ты родила меня в этой юдоли печали? Кругом хамы, бандиты, рожи, свиные рыла. Это не город – это ад, везде пьянство, ложь, насилие, свальный грех. А я одна.

У меня нет истории. Я сирота. Господи, скажи мне, почему они все покинули меня?

Ты уходишь каждое утро. И жизнь останавливается, когда ты уходишь. Моя постель без тебя – это панель на Крещатике, это платформа на вокзале. Каждую минуту приходят и уходят скорые. Сальные рожи снуют взад-вперед, а я одна на платформе. Жду, когда придет твой поезд. А ты все время уезжаешь и оставляешь меня с моим отчаянием.

Я больна, безнадежно больна. Не знаю, когда ты придешь. Каждый раз думаю, придешь ли ты. А когда приходишь, думаю о том, что ты снова уйдешь. Нельзя сказать, что я тебе неприятна. Все гораздо хуже. Я тебе безразлична. Тебе на меня плевать. Тебе просто наплевать на меня.

А-я-не-могу-без-тебя. Уми-ра-ю-без-тебя. На коленях готова стоять, ноги твои целовать, только чтобы ты был со мной. Я давно уже не живу. Притворяюсь, что живу. Пью ночи напролет. Водка, коньяк, бренди, бормотуха – для меня

все на один вкус. И курю, курю, курю.

Все, что можно представить в жизни, имеет смысл только, если ты рядом. Приходишь, я отдаю тебе все силы, вытягиваю из себя жилы, перемалываю кости, переливаю кровь – и все тебе, тебе, тебе. А когда ты засыпаешь, я уже мертва. Ты лишил меня жизни, чувств, ты лишил меня будущего, ты отнял у меня привязанности, даже дочь: моя дочь теперь мне безразлична.

Приходит день, и ты уходишь. А для меня продолжается ночь. Внутри меня пустота. Я еще умею дышать, но разве воздух может заполнить эту пустоту, если в ней нет тебя?

Ты отнял у меня слова, отнял желание жить. Я вырвала из себя душу и положила тебе под ноги. А ты наступил и не заметил. Больно, милый мой, если б ты только знал, как больно!

Не могу без тебя. Я прикована к тебе. Не могу разорвать эту цепь. Эту тяжелую цепь, пропущенную через мое живое, кровоточащее тело.

Я больна. Безднадежно больна. Только ты можешь меня вылечить. Но ты этого не сделаешь. Потому что я тебе безразлична.

Город, которого нет

31 декабря 2006 года Леша – Болгарин переехал в новую трехкомнатную квартиру своего друга Артура в центре Киева. «Перебирайся ко мне, – сказал Артур, чемпион Украины по армрестлингу, – поживешь здесь, места хватает, семьи пока нет, потренируемся вместе, приведешь себя в порядок – совсем доходягой стал. Осмотришь, поднакопи денег, а потом снимешь жилье».

31 декабря. Как заманчиво в Новом Году начать новую жизнь. Алеше – тридцать пять. Когда еще, если не сейчас?

Рано утром привез свои вещи. А вещей-то этих... С воробьиный нос. Диски с фотографиями – Алеше нравилось фотографироваться. Шмоток совсем мало – Леша любил и умел одеваться, но одежды не накопил, все, что было, растерял из-за своей постоянной кочевой жизни; одежды, обуви – самый минимум.

Крестик золотой. Еще один крестик, выведенный двумя лаконичными рисками на маленькой стальной полированной бляшке, со стальной же цепочкой, подаренные ему другом из зоны в Кременчуге, положенцем Антимозом, известным вором в законе, в благодарность за борьбу с чеченами, пытавшимися перекрыть сферы влияния на зоне.

«Перспективный парнишка», – говорил тогда о Леше Антимоз. Там, в зоне, Леша получил кликуху «болгарин». Сам

же и рассказал братьятам, что Алешей его называли, потому что его мать, красавица Жанна, незадолго до рождения сына пела на сцене популярную тогда песню «Стоит над горою Алеша – Болгарии русский солдат». Вот и стал «Болгаринном».

Сколько воды утекло с тех пор, сколько лет минуло. Теперь уже не вспомнишь, когда это было. Десять лет назад, двенадцать? Еще Алеша привез на новое место компьютер и установку для тату. Несколько лет назад он был одним из лучших на чемпионате Украины по тату, и до сих пор известен в Киеве как татуировщик с твердой рукой, владеющий популярным в среде молодежи готическим стилем. В его арсенале были замки, кинжалы с кровью, оскаленные морды волков и всякой нечисти, черепа, жестокие красавицы – киллерши, цепи, да мало ли чего там не было. В общем, Леша был модным мастером татуировки, его приглашали в разные салоны, да и собственной клиентуры у него было предостаточно.

Планшеты, мольберты, краски, кисти, эскизы новых дизайнерских проектов – все осталось у Ирины. Она оплачивала, пусть ей и достаётся. Успею еще обзавестись всем этим. Может, найду работу в каком-нибудь другом дизайнерском бюро, там все и дадут. Или потом у Ирины заберу. Сейчас ему хотелось поменьше ее видеть. Забыть, как страшный сон. Вместе с работой в ее дизайнерской шарашке. Вместе со всей его прошлой никчемной, постыдной, сумбурной

жизнью, наполненной легкомысленными порывами, пустыми надеждами, безнадежными авантюрами, опасными срывами и тяжелыми падениями.

Если начинать заново, – когда, если не сейчас? Во-первых, об этом говорят цифры. Леша любил рассуждать о влиянии цифр на жизнь человека. «666» – число дьявола. Просто «6» – трудное начало. «4» – самое плохое число. «9» – божественное число, символ совершенства и гармонии. На новом месте встречу новый 2007 год, «два» плюс «семь» – «девять». В 2007-ом мне будет 36, «три» плюс «шесть» – «девять», куда ни посмотри – везде знаки свершения и перемен к лучшему. Да и пора уже. Тридцать пять лет жизни коту под хвост. Сколько раз пытался начать заново, жить по-настоящему, всерьез, набело, все что-то мешало.

Кременчуг. Game 1

*Ночь и тишина, данная навек.
Дождь, а может быть, падает снег?
Все равно, бесконечной надеждой согрет,
Я вдали вижу город, которого нет.*

Регина Лисиц

Алеша воспринимал жизнь, как некую компьютерную игру. Игра эта начиналась так легко и хорошо. Почти все детство и юность он провел в Кременчуге, в доме деда с бабушкой по материнской линии. Мать тоже жила в Кременчуге, отдельно от них, появлялась редко. Придет, поиграет с ребенком, посмеется и исчезнет. У нее своя жизнь, свои дела.

Кременчуг. Сцена для комедии Гоголя «Ревизор». Каким видел Гоголь «уездный город N»? «На зеркало неча пенять, коли рожа крива». Правда, все правда, совсем кривой была «рожа» «уездного города N». Глубинка. «Хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь». Чиновники: судьи, попечители богоугодных заведений, смотритель училищ, почтмейстер. А над ними – городничий, маленький царек.

Узнаём у Гоголя о такой важной детали уездного города – о мосте через Днепр. И сейчас, в наше время, мост этот – по-прежнему средо-

точные всех движений: из центра «на ту сторону», где заводы и сады, «с той стороны» – в центр. Где местную власть олицетворяют заштатные низенькие здания, окрашенные в невыразительные тона, где вольготно раскинулся приднепровский парк с нелепыми статуями.

Старый «забор возле сапожника». Боже мой, забор сохранился, 150-ти летний, никак не меньше. Как раз рядом с «Домом обуви». Как и раньше, возле забора «навалено много всякой дряни». Есть и «будка, где продаются пироги». Училище тоже есть. Сохранилось, черт побери. Педагогическое теперь, имени Макаренко, во как! И больница, и почта, и присутственные места. Что за присутственные места? Да много их, этих мест. Обком партии, например, вот уж где всегда кто-нибудь да присутствует, и точно, что не последние люди. И всё это, конечно же, – и больница, и училище, и почта – всё в плачевном состоянии. Потому что чиновникам наплевать. Городничий и чиновники делают в городе, что хотят. Живут для своего интереса. Как во времена Гоголя, так и во времена юного Алексея.

Городничий, как и его семья, мечтает о Петербурге: «Вот где настоящая жизнь!» В семье такого городничего и вырос маленький Алеша. Не самого большого, главного городничего. Городничего поменьше.

Рос он в трехкомнатной квартире в самом центре Кременчуга, с окнами на центральную площадь, в доме на улице Ленина, естественно. Это квартира отца его матери, деда То-

ли. Красивый, властный мужчина, еще в силе. Когда-то полковник военной авиации. Теперь – замдиректора огромного вагоностроительного завода. По кадрам, конечно. Стоял на страже, чтобы в руководящие должности завода не затесались всякие там космополиты безродные. А если уж есть такие, Косыгин сказал: «Старых не выдергивать, новых не вставлять». Пусть ведут себя подобающим образом – тише воды, ниже травы, пусть вкалывают, приносят пользу советской Родине, и пусть не претендуют на должности и оклады.

Дед Толя – член бюро обкома и дружен со всеми «отцами города». Да и сам он был, конечно же, настоящим «отцом города».

Этим «отцам» совсем незачем было красть или брать взятки, как в стародавние времена. В эпоху «развитого социализма» отцы города распоряжались по своему усмотрению государственной, то есть общенародной собственностью. Распоряжались как своей. Квартиру в центре деду выделили. «Волгу» последней модели выделили. Катер, причал, да что там причал. Дед был заядлым охотником и рыболовом. А заодно – инспектором охоты и рыболовства. Так что отцы города выделили ему в надел за особые заслуги перед советской властью кусок Днепра ниже плотины Кременчугской ГЭС, на несколько километров вниз, вместе с плавнями и многочисленными островами, самый богатый рыбой участок реки, а также и дубраву с плавнями в ста километрах от Кременчуга, где, будьте уверены, и птица водится, и

кабанчик пасется. Дед Толя мог там и охотиться, и рыбу ловить. Другим же мог запретить промысел – тем, кто без спроса, без его, Толиного разрешения, то есть тем, кто браконьерит; а кому-то, наоборот, – разрешить от широты душевной, под настроение, например, своей царской милостью.

Дом у деда Толи – полная чаша. Баба Надя, скромной красоткой когда-то привезенная им из Белоруссии, – тогда он был еще бравым летчиком, и все молодухи для него были «чего изволите, Анатолий Петрович?» – круглый день занималась хозяйством, домом, двумя дочерьми, чтобы все были обшиты, накормлены. Да и деду все подай, да принеси. А домработница? Да вы что, мы не буржуи какие-нибудь, а Надюшка-то моя – шустрая, все сделает. Надя, принеси мне другой мундштук. Этот короткий, да прогорел. Да, да, подлиннее. А, и сигареты кончились. Сбегай-ка в магазин. И смотри на фабрику. Чтоб не было, как в тот раз.

В общем, Алеша рос аккурат в доме государева городничего. И знал, что вся эта красивая, богатая земля ждет того часа, когда он вырастет, осмотрит, обведет ее орлиным взором, развернется богатырским плечом, да и станет ею «володеть» по праву любимого внука комгородничего. А земля, надо сказать, прекрасна была. Климат нехолодный – нежаркий, сухой, Полтавщина, почитай. Цветы. Батюшка Днепр теплый, да ласковый. Пройдут Алеша с дедом на моторке два круга. Первый круг – возьмут «на проводку» судачка, посуше рыба будет. Второй круг – жерех, а то и сомик, пожир-

нее рыба, да на острова – уха на костерке, две разные рыбы – в самый раз уха получится. Дед решил, к примеру, остаться, переночевать в палатке до утреннего клева; Алеша связал одежду в узел, и айда вплавь, вместе с друзьями, узлы над головой, обратно с острова на берег, домой, под заботливое крылышко бабы Нади. Такая вот щедрая, да любящая, ласковая к детям и внукам важняков советская Родина.

С матерью редко виделся – что с того? С матери что возьмешь? Разве что посмеяться, пошутить... Алеша понял – мать не надо принимать всерьез. В свое время Жанна сделала прекрасную партию. Появился у порога их квартиры, откуда взялся неизвестно, высокий, сильный парень из Ленинграда. Из Ленинграда! Мечта городничего и всей его семьи. Ленинград – почти Петербург, почти столица. Да еще и толковый, не Хлестаков какой-нибудь. Диссертации защищает, научные статьи пишет. Главное, что зарабатывает неплохо. Городничий Толя надувался от важности, ханжеским тоном объяснял «недотепе» из Ленинграда, что тот должен быть особо тактичен и аккуратен с его дочкой Жанной, поскольку она еще девушка, никем не тронута и не знала прикосновения мужчины. Когда Алеша вырос, его отец со смехом вспоминал об этом, он и тогда понимал, что не первый у Жанны, что она до него и замужем успела уже побывать. Но объяснять Алешиному деду ничего не стал. Аккуратней – так аккуратней. Поездили взад-вперед, да и поженились.

Тогда и появился Алеша. Прожили недолго. Почему-то

быстро развелись. Мать Алеши, видимо, любила отца. Но говорила о нем с легким пренебрежением: «Твой отец – такой весь из себя правильный, никогда налево не смотрел. Странный парень». Очень уж разные они были люди.

Алеша был еще совсем маленьким, когда мать вместе с ним устраивала вояжи по городам. Какое-то время жили в Куйбышеве. Уехали туда вместе с маминым врачом. Он мать боготворил, а Алешу никак, кроме как «мелкой мразью» и «выродком», не называл. Сейчас Алеше трудно оценить, что там между ними вышло. Знает только, что мать прямо на его глазах разбила бутылку о голову своего дружка. Тот долго лечился. Потом опухоль. Когда «дружок» стал совсем уже никаким, они вернулись в гнездышко бабы Нади. И больше уже никуда не летали. Здесь и началась счастливая кременчугская жизнь юного Алеши.

Запомнились вечера, которые они проводили всей семьей, вместе с маминой сестрой тетей Нонной, младшей любимой дочкой деда, в сельском доме в поселке Крюково на правом берегу Днепра, у родителей деда, то есть у прабабки и прадеда. Это были лучшие воспоминания. Дед играл на баяне, пел приятным с хрипотцой голосом советские и украинские песни. Скидывал личину государственного мужа, отягощенного полномочиями и думами о судьбах Родины, и становился, видимо, тем самым летчиком Толей с очаровательной улыбкой, на которого в Кременчуге когда-то заглядывались все дивчины с соседних улиц. Мать вообще пе-

ла прекрасно, красивым сильным голосом, она еще в то время выступала иногда, принимала участие в концертах. Объявляли ее так: «Лауреат и победитель конкурса “Весенний ключ” неподражаемая...». Это лауреатство она привезла из Ленинграда. А вот прабабка Наталья, огромная толстая старуха, – это просто фантастика, – у нее был феноменальный голос. Когда она пела, стеклянные подвески люстры в гостиной начинали звенеть и жалобно дребезжать. Леша не пел. Не унаследовал от матери ни голоса, ни слуха. Зато прекрасно рисовал, ходил заниматься в художественную школу.

В Ленинград Алеша ездил каждый год. Иногда – два раза в год. Отец забирал его на каникулы. Когда Алеша подрос, ездил сам. Две ночи и один день в поезде – и вот он в Ленинграде. У «воскресного папы». Отец проводил с ним все дни каникул, с утра до вечера. Даже, когда у отца появилась новая семья и второй сын. Много говорили, гуляли по городу. Ходили на выставки, в музеи. Это всегда был праздник. Ходили в лес, на озеро. Запускали воздушного змея. Запомнилась соседская девочка Элла, младше Алеша на два года. Живая, как ртуть, быстрая, веселая. С огромными черными глазами и длинными ресницами. Они иногда играли вместе в палисаднике на Малой Охте, рядом с домом отца. «Лезем на дерево, – кричала Элла, и пока Алеша забирался на нижнюю ветку, она уже была высоко наверху, – вниз, вниз!». Алеша примеривается, куда поставить ногу, а она – вжиххх, прыжок с самой верхотуры – и уже на земле. Огонь, а не девочка.

Алеше было хорошо в доме отца. Рядом с отцом все предельно ясно. Определенно. Спокойно. Это были маленькие командировки в Эдем. Конечно, он никогда так не формулировал, не думал. Просто чувствовал себя в доме отца почти как в раю. В жизни все вставало на свои места. «Там для меня горит очаг, как вечный знак забытых истин».

Забытые истины... Забытые... Но ведь они существуют. Доброта, сила, открытость. Спокойствие, честность. Потом Алексей возвращался в Кременчуг. Там до поры тоже был рай. Советский лживый рай. Созданный для важняков. Рай за счет других. Алеша был тогда мал и многого не понимал. Ему просто было скучно. И подростком, и юношей у него не было представления, чем ему в жизни придется заниматься. «Володеть землей малороссийской», так ему казалось. И об этом он тоже не думал именно так, в таких терминах. Чувствовал и все.

Тоска. Закончил ПТУ, стал столяром. В характеристике записано: «Ленив, пассивен, безразличен, хотя способностей и сообразительности не лишен». А зачем быть активным? Ему в этой жизни и так все разрешено, все сходит с рук. Плюс хороший, мягкий характер, незлобивость, доброжелательность. Друзья по уличным проказам любят его. Вот такой иллюзион. Такова компьютерная игра. Что ты ни сделаешь, как ни поступишь, все имеет положительный ответ, все неплохо. Ни наказаний, ни поражений, ни неудач! Солнце светит. Фрукты растут. Каждый день несколько свиданий.

Девочки любят его, в голове все перемешалось от множества имен, адресов и телефонов. Приходит с новой знакомой в кафе. Посидели, девушка не понравилась – плохо говорит, глупая, попа вислая, ногти неухожены – извини, мне в туалет, и уходит, не прощаясь. Бывало иногда – во второй раз знакомился с уже знакомой девушкой. Ах, что за жизнь! «Совковый» рай.

Рухнул «совок», рухнула, казалось бы, нерушимая семья. Скончались прадед и прабабка. С небольшим разрывом во времени. Дом с вишневым садом в Крюково поменяли на квартиру в центре, для матери. Жанне сделали операцию на сердце. Она, еще молодая, а уже почти инвалид. С тех пор Алеша совсем редко видит ее. Чужой человек. С глаз долой – из сердца вон. Пришла – хорошо, поцелуемся; не пришла, не звонит, – ну и ладушки. Не вспоминал, не беспокоился.

Милая тетушка Нонна давно уже вышла замуж за вертолетчика Витю, уехала с ним в Ужгород, по месту работы мужа. Жанна фыркала: «Нашла, за кого замуж выходить. Витя, конечно, красивый, но тупой, наглый, два слова связать не может, и весь в псориазе». «Молчи уж. У тебя и вообще мужа нет, кто с тобой уживется?». У Нонны с Витей два сына, Алешкины братья, Сашка и Максим, младше Леши на год и на три года соответственно. На лето их привозят к бабе Наде. Братья дружили, в те времена они еще дружили. Алеша особенно любил веселого, жизнерадостного Максимку.

Наступила черная пора. Девяностые. Рухнул Союз. Распа-

лась Советская империя. Разгул бандитского рынка, беспредел. Неожиданно пропадает дед. Уехал по делам и не вернулся. Ищут все. Милиция, госбезопасность. Через два месяца находят в степи брошенную «Волгу». Только автомобиль. О судьбе деда так ничего и не удалось выяснить. Бабушка Надя стала сама не своя. Для кого жить, если нет Толи? Боле-ла сильно. Нашли онкологию. Уехала к дочери в Ужгород. Настало время, чтобы уже ей помогли. На Жанну надежды никакой. Ни мать поддержать, ни сыну умное слово молвить. Сама больная. Голова у нее поехала. Связалась с сектантами. Большая семья мгновенно рассеялась, как дым. Алеша остался один. Один, как перст.

Съездил к отцу в Ленинград. Что отец может сказать? Небожитель. Похвалил футболку, шузы. Спрашиваю:

– Товар загнал в Москву, как деньги получить? Не хотят платить.

Советы его известны.

– Учиться надо. Поступать на экономический факультет.

Сейчас Алеша понимает. Тогда еще был шанс поставить жизнь на правильные рельсы. Поступить в военно-строительное училище в Пушкине под Ленинградом. Остаться под крылышком у отца. Так ведь это военное училище. Бегать по морозу. Учить математику. Плыл Алешенька по воздушным волнам, словно бумажная птичка. Куда ветерок понесет. А куда ветер понес? Остался один – одинешенек в пустой квартире. С кучей дворовых друзей-недоумков. Такая

компьютерная игра. Все шаги правильные. Нет риска потери компьютерной жизни. А жизнью этих навалом. Гуляй – не хочу.

Алеша просматривает фотографии тех лет. Его свадьба. Лялягуль (лилия, тюльпан) – маленькая татарочка, шестнадцатилетняя красотка из Казахстана, младше его на два года. Лицо глупое. У него, Алексея, на фото – тоже довольно глупое лицо. Дворовые друзья, веселые хлопцы, смеются, хохочут, лица глупые... Сколько ума, такова и судьба их. И моя тоже. Бесцельная жизнь. От деда остались деньги. Бабы Нади нет. Сашки с Максимом нет. Матери, считай, тоже нет. Отец далеко. Со своими постными советами. Один, как перст. Только вот эта маленькая дура рядом под одеялом. Зачем надо было жениться? Переспать – и так жили вместе, Ляля не возражала. Вокруг бушует бизнес. Бизнес во всем. Бригаду я собрал. Мальчишки мне в рот смотрят. Крышуем ларьки, магазины. Мелочь, а не бизнес.

Гринберги из квартиры снизу, друзья деда и бабули, они меня сызмальства знают, сказали, что их родственники, тоже из Кременчуга, отъехали на полгода к детям в Америку. Семья богатая. Вещей, драгоценностей, видимо, немало. Тогда мы и взяли их квартиру. Чемоданы ночью занесли ко мне. Я думал, полгода никто не хватится, мы тихонечко все реализуем.

Оказалось, по-другому. К ним приехал племянник. Обнаружил, что двери взломаны, что многое пропало. Короче,

меня забрали на третий день. Так называемая жена тут же сбежала к родителям в Казахстан.

Мать нашла тетку-адвоката из Киева, раньше здесь в Кременчуге жила. Звонит отцу – выручай сына. Отец встретился с адвокатшей. Оплатил ее работу. Короче, получил я по минимуму. Потом та же адвокат пробила УД О – условно досрочное. Вышел, встретился с коллективом. Пацаны «работали» все это время. Собрали деньги мне на Мерседес. Отметили освобождение. Пошли ночью в парк, пострелять по скульптурам, боевыми, конечно. Менты уже пасли меня. Что-то мне приписали. Пришли домой арестовывать. Я не открываю. Они знают меня, вместе на Днепр бегали когда-то. Получается, что тоже приятели. Ломают двери. Кричат: «Не стреляй, сдавайся, Леха!». Как весело! И пошло, поехало. Короче, к 25 годам у меня было уже три ходки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.